

Роман-сенсация

Кухнята по тедне

Кейт Ёберлен



Москва
2017

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Э13

Kate Eberlen
MISS YOU

Copyright © Kate Eberlen 2016

Фото автора © Leanne Dixon

Перевод с английского А. Корчагиной

Художественное оформление П. Петрова

Эберлен, Кейт.

Э13 Скучаю по тебе : [роман] / Кейт Эберлен ; [пер. с англ. А. Корчагиной]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 512 с. — (Роман-сенсация).

ISBN 978-5-699-98965-2

Если бы у каждого человека был световой датчик, то, глядя на Землю с неба, можно было бы увидеть, что с некоторыми людьми мы почему-то все время пересекаемся...

Тесс и Гус живут каждый своей жизнью. Они и не подозревают, что уже столько лет ходят рядом друг с другом. Кажется, еще доля секунды — и долгожданная встреча состоится, но судьба снова рвет планы в клочья... Неужели она просто забавляется, играя жизнями людей, и Тесс и Гус так никогда и не встретятся?

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Корчагина А., перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-98965-2

*В память о моей любимой бабушке,
которая умела обычное сделать волшебным.*

Часть первая

1

Август 1997 г.

ТЕСС

У нас дома в кухне была сувенирная тарелка, которую мама привезла из отпуска на Тенерифе. На тарелке от руки было написано: «Сегодня — первый день твоей новой жизни».

Кажется, я никогда не замечала ее — она значила для меня не больше, чем папин приз за победу в конкурсе певцов или снежный шар, который мой брат Кевин когда-то прислал из Нью-Йорка на Рождество. Но именно в последний день нашего путешествия я не могла выкинуть из головы эту фразу.

Когда я проснулась, палатка была вся наполнена оранжевым светом, как будто внутри тыквенного фонаря со свечой. Я тихонько расстегнула молнию, чтобы не разбудить Долл, и выглянула наружу, подставив лицо ослепительному солнцу. Воздух еще был слегка прохладный. Вдалеке слышался перезвон колоколов.

Я записала в дневнике слово «протяжный» и поставила рядом звездочку, чтобы дома не забыть заглянуть в толковый словарь.

С того места, где располагался наш палаточный лагерь, вид на Флоренцию с ее терракотовыми куполами и белыми мраморными башнями, блестящими на фоне голубого неба, был такой восхитительно-идеальный, что я даже загрустила — ведь я скоро уеду отсюда.

Признаюсь, было немало того, о чем я не собиралась скучать. О том, как приходилось спать на земле и уже через несколько часов камни под тобой будто начинали вращаться в тело, как переодевались в пространстве размером с картонную коробку, как, дойдя до санузла через весь лагерь, я вспоминала, что забыла в палатке туалетную бумагу. Странно, если к концу путешествия ты одновременно хочешь, чтобы оно никогда не заканчивалось, и мечтаешь о привычном домашнем уюте.

Мы путешествовали целый месяц. Проехали по железной дороге через всю Францию, потом направились в Италию. Мы спали на вокзалах, пили пиво с голландскими парнями в палаточных лагерях, страдали от солнечных ожогов в душных и медленных поездах. Долл больше интересовали пляжи и коктейли, а меня тянуло к историческим достопримечательностям, но мы с ней всегда понимали друг друга. С того самого первого учебного дня в подготовительном классе школы, когда четырехлетняя Мария Долорес О'Нил подошла ко мне и спросила:

— Будешь моей лучшей подружкой?

Кстати, это я сократила ее имя до кокетливого Долл¹.

Мы были очень разными, но удивительно дополняли друг друга. И когда я это говорила, Долл всегда замечала:

— Да! Мои туфли прекрасно дополняют твою сумочку! — или что-то в этом роде.

И если я уверяла, что не это имела в виду, она смеялась и добавляла:

— Ну конечно, я понимаю.

Хотя я никогда не была в этом уверена. Но в общении с родными и близкими всегда используешь какой-то свой язык, правда?

¹ В переводе с английского — «кукла». — *Здесь и далее примеч. пер.*

Скучаю по тебе

Впечатления о других местах, где мы с ней побывали, отпечатались в воспоминаниях, как картинки с открыток: Верона — залитый светом прожекторов амфитеатр на фоне чернильного неба, Неаполь — лазурное море, неожиданно яркие краски фресок Сикстинской капеллы. Но наш последний день, проведенный во Флоренции, тот день, после которого моя жизнь перевернулась, я могу вспомнить весь, по минутам и шагам.

Долл по утрам всегда собиралась дольше меня — она уже и тогда из палатки не выходила без полного макияжа. А мне нравилось немного побыть одной, особенно в то утро — я ждала результатов экзаменов для поступления в университет. Мне нужно было справиться с мыслями и силами.

Накануне вечером, возвращаясь в лагерь, я увидела освещенный фонарями фасад красивой церкви на вершине холма. Она смотрелась странно, как изящная шкатулка посреди леса. В дневном свете базилика оказалась гораздо большего размера, чем я думала, и пока я поднималась по широкой барочной лестнице наверх, я вдруг подумала, что эта церковь была бы идеальным местом для свадьбы. Очень странная и несвойственная для меня мысль, потому что я в жизни не мечтала увидеть себя в подвенечном платье, да и парня у меня не было.

С террасы на вершине открывался такой потрясающий вид, что у меня ком подкатил к горлу. И я обещала себе, торжественно и уверенно, как это может быть только в восемнадцать лет, что обязательно вернусь сюда.

Вокруг никого не было, но тяжелая деревянная дверь церкви открылась, стоило мне ее толкнуть. После яркого солнечного света глаза не сразу свыклись с темнотой церкви. Внутри было на несколько граду-

сов прохладнее, чем на улице, и в воздухе пахло привычной смесью старинной пыли и ладана.

Одна, в храме Божиим, я особенно остро ощущала, как неуместно шлепали мои сандалии по ступеням к алтарю. Упершись взглядом в бесстрастное лицо Иисуса, я молилась, чтобы мои оценки позволили набрать проходной балл, когда вдруг, точно по волшебству, зажегся свет.

Испуганно обернувшись, я обнаружила долгового парня примерно моих лет. Он стоял у ящика, куда можно опускать монетки, чтобы зажечь свет. Влажные каштановые волосы были откинута со лба, да и одет он был еще более неподобающе для церкви, чем я: спортивные шорты, майка и кроссовки. Было мгновение, когда мы могли бы улыбнуться друг другу или даже перекинуться парой фраз, однако мы упустили его, оба смущенно обратив взоры к огромному куполу с золотой мозаикой. Но тут с громким щелчком снова погас свет, так же неожиданно, как и включился.

В темноте я посмотрела на свои часы, делая вид, что я бы с удовольствием уделила Ему еще пару минут или даже оплатила бы еще минуту света в этом углу, но, увы, мне пора. Едва я коснулась двери, как снова со щелчком включился свет. Глядя на освещенное строгое лицо Христа, я почувствовала, что Он во мне разочарован.

К тому времени, когда я вернулась в лагерь, Долл была уже при макияже и с укладкой.

— Ну, как она?

— Кажется, византийская, — ответила я.

— Красивая?

— Очень.

После капучино и булочек с кремом — удивительно, как в Италии все вкусно, даже завтраки в палаточном лагере, — мы упаковали вещи и решили пой-

Скучаю по тебе

ти сразу в город, центральное почтовое отделение, где я могла бы позвонить по международной линии и узнать результаты экзаменов, чтобы этот дамоклов меч не висел над нами весь день. Даже если новости плохие, я должна была их услышать с утра. Неизвестность и неопределенность сводили меня с ума. Поэтому мы спустились в исторический центр города, болтая без умолку, но ни разу не затронув самую важную для меня тему.

Я так волновалась, пока набирала номер, что думала, не смогу сказать ни слова. Мама подняла трубку после первого же звонка.

— Хоуп сейчас зачитает тебе результаты, — сказала она.

— Мама! — закричала я, но было поздно. Моя младшая сестра Хоуп уже перехватила трубку.

— Читаю твои результаты, — произнесла она.

— Давай.

— А, В, С... — медленно проговорила она, как будто повторяла алфавит.

— Правда, здорово? — спросила мама.

— Что?

— У тебя «А» по английскому, «В» по истории искусств и «С» по религии и философии¹.

— Правда?

Для поступления в Университетский колледж Лондона мне было нужно получить две оценки «В» и одну «С», так что моих результатов было больше чем достаточно.

Я выглянула из кабинки и подняла оба больших пальца вверх, показывая Долл, что все отлично.

В трубке было слышно, как радуется мама и Хоуп вместе с ней. И я представила их вдвоем на кухне

¹ Оценки, соответствующие пятеркам и четверкам в российской системе образования.

возле полки с сувенирами, на которой стоит тарелка с надписью: «Сегодня — первый день твоей новой жизни».

Долл предложила отпраздновать эту новость, спустив все оставшиеся деньги на бутылку «Спуманте» в уличном кафе на площади Синьории. У нее денег было больше, чем у меня, — пока мы писали выпускные работы, Долл подрабатывала в салоне красоты. Когда мы были в Венеции, она все-таки уговорила меня на обед, и в итоге мы с ней сели на площади Сан-Марко и просадили там весь дневной бюджет на чашку капучино. В восемнадцать лет Долл уже имела вкус к шикарной жизни. Но теперь было всего десять часов утра, и я подумала, что, даже если мы наскребем денег на бутылку, нам еще нужно будет как-то провести время до вечернего поезда в Кале, и ничего, кроме головной боли, нам не останется. Да, я очень практичная.

— Как хочешь, — разочарованно заметила Долл. — Праздник-то твой.

Я столько всего хотела посмотреть: Уффици, Барджелло, Дуомо, Баптистерий, базилику Санта-Мария-Новелла¹...

— То есть ты собралась смотреть церкви? — Долл итальянскими названиями не проведешь.

Мы обе воспитывались в католической школе, но с возрастом Долл стала считать, что церковь — всего лишь причина, по которой ей не дают поспать утром в воскресенье. А я заявляла, что я — агностик, поскольку думала, что это круто звучит, в то время как сама все равно часто о чем-нибудь молилась. Для меня церкви в Италии были скорее не храмами божьими, а храмами искусства. Если честно, я была в то

¹ Дуомо и Санта-Мария-Новелла — самые известные церкви города, а Уффици и Барджелло — музеи.

время ужасно претенциозна, но, как будущей студентке университета, мне все это прощали.

Оставив рюкзаки в камере хранения на вокзале, мы быстренько обошли вокруг Дуомо, сфотографировали «Золотые ворота» Баптистерия, потом прошли старинными улочками к церкви Санта-Кроче, по пути остановившись в крошечной джелатерии¹, которая как раз только открылась. Мороженое с утра вполне удовлетворило тягу к декадансу моей подруги. Мы выбрали по три разных вкуса из продолговатых ванночек, разложенных за витриной, как краски в огромной коробке.

Я взяла «освежающий мандарин», «лимон» и «розовый грейпфрут».

— Ну нет, как будто сок для завтрака, — сказала Долл и смело заказала шарик с «марсалай», «вишней» и еще со вкусом шоколадного кекса.

Долл заявила, что вкус у мороженого просто оргазмический, и на этом заряде она продержалась целый час в хорошем расположении духа, пока мы рассматривали фрески Джотто.

Прелесть походов по музеям в компании Долл была в ее комментариях:

— Согласись, ступни ему не очень удавались?

Но когда мы вышли из церкви, было ясно, что искусства с нее на сегодня достаточно, да и в городе наступил полуденный зной. Так что я предложила поехать на автобусе в маленький городок Фьезоле, о котором читала в путеводителе. В автобусе мы встали у открытого окна и отдыхали от жары, подставив лица потокам воздуха. После толп туристов на улицах Флоренции главная площадь Фьезоле показалась нам удивительно тихой.

— Давай устроим праздничный туристический обед! — предложила я, решив ухнуть заначку, кото-

¹ *Джелатерия* — лавка, где продают мороженое.

рую держала до конца поездки на непредвиденный случай.

Мы сели на террасе ресторана. Вдалеке виднелась крошечная Флоренция, как задний план на картине Леонардо.

— У нас на сегодня есть запланированные образовательные мероприятия? — спросила Долл, промокая салфеткой уголки рта после того, как она уничтожила огромную тарелку спагетти с соусом из помидоров.

— Тут есть древнеримский театр, — призналась я. — Но я могу пойти одна, честно...

— Ох уж эти римляне, везде наследили, а? — проворчала Долл, но, поскольку настроение у нее было отличное, она согласилась пойти со мной.

Кроме нас, других посетителей не было. Долл легла загорать на одном из ярусов амфитеатра, а я пошла осматривать руины. Когда я добралась до сцены, она села и начала хлопать. Я поклонилась.

— Скажи что-нибудь! — крикнула мне Долл.

— «Мы дни за днями шепчем: «Завтра, завтра»¹, — продекламировала я.

— Еще! — воскликнула Долл, доставая фотоаппарат.

— Дальше не помню!

Я спрыгнула со сцены и поднялась по крутым ступеням.

— Дай я тебя сфотографирую!

— Лучше давай вместе.

Долл поставила камеру на три ступени выше, чтобы позади были видны холмы Тосканы.

— Как по-итальянски «сыр»? — спросила она, заводя таймер и спрыгивая ко мне как раз перед щелчком затвора.

¹ У. Шекспир, «Макбет», акт V, сцена 5. (Перевод Б. Пастернака.)

Скучаю по тебе

На снимке в моем альбоме кажется, что мы посылаем в объектив воздушные поцелуи. Клейкие уголки уже давно пожелтели, а пластиковая обложка стала совсем хрупкой, но цвета — белые камни, голубое небо, темно-зеленые кипарисы — все такие же яркие, какими я их помню.

На остановке, в ожидании автобуса во Флоренцию, оглушаемые треском цикад, мы стояли в непривычном молчании. Наконец Долл озвучила то, что занимало ее мысли:

— Как думаешь, мы останемся подругами?

— В каком смысле? — Я сделала вид, что не понимаю.

— Когда ты поступишь в университет, вокруг тебя будут люди, которые много читают, знают, ну и все такое...

— Что за глупости! — уверенно ответила я, но предательская мысль уже промелькнула в моей голове. Что через год я наверняка буду проводить каникулы в компании людей, которые с интересом согласились бы посмотреть небольшую коллекцию античных ваз в местном музее или с которыми можно обсудить разницу между манерой письма Микеланджело, Донателло и других «черепашек ниндзя», как их называла Долл.

«Сегодня — первый день твоей новой жизни».

Всякий раз, когда я позволяла себе подумать о будущем, у меня в груди все сжималось от страха и восторга.

Вернувшись во Флоренцию, мы нанесли еще один визит в джелатерию. Долл опять не устояла перед шоколадным, на этот раз добавив к нему еще «вкус дыни», а я выбрала грушевое, которое напоминало эссенцию из спелых груш, и малиновое, по вкусу такое же яркое, как мои детские воспоминания о лете.